

*Богоматерь Оранта ("Нерушимая стена").
Мозаика Софийского собора в Киеве. 1043–1046*

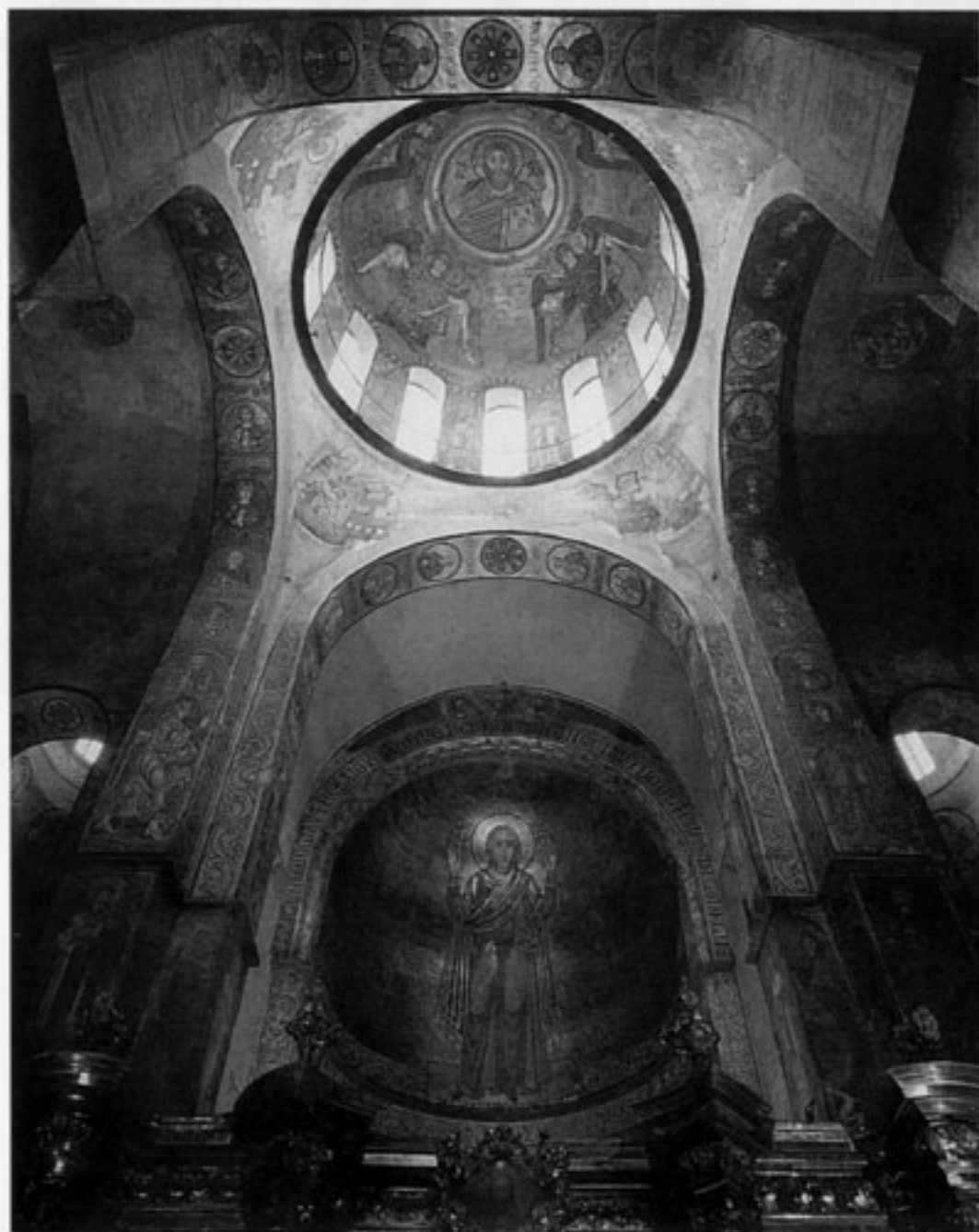

СЛОВО О КИЕВЕ

Когда князь Олег, прозванный Вещим, сел в Киеве на княжение, он сказал, как пишет летописец: “Се буди мати градом русьским”. Этим он утвердил значение Киева как столицы всей русской земли – от Ладоги и Новгорода на севере и Полоцка на северо-востоке до Тьмутаракани на Черном море, от Карпат на западе до Волги на востоке.

“Мать городов” – это именно “столица”, метрополия. Но “мать городов русьских” имеет и другое значение, специфически древнерусское¹: Киев породил многие города, основанные киевскими князьями и частично названные в честь этих князей – Владимир на Клязьме, названный по имени Владимира Святославича, и Владимир Волынский – в его же честь. Ярославль на Волге – в честь Ярослава Мудрого. А затем – Изяславль, Всеволож, Глебль, Кснятин, Василев, два Юрьева (один на Чудском озере, другой во Владимирской земле) и пр., и пр. Одной из княжеских забот было основание городов – как укрепленных пунктов и административных центров. Укрепленную полосу городов строил против степи на юге от Киева уже Владимир I Святославич. И сам он, и его преемники строили также города на северо-востоке и на юго-западе Русской земли. Насколько быстро и интенсивно шло строительство городов, можно судить по следующим цифрам, приведенным в свое время академиком М. Н. Тихомировым: для IX–X веков летописи упоминают 24 рус-

¹ Под словом “древнерусский” здесь и в дальнейшем мы имеем в виду принадлежность Руси – общей восточнославянской народности в хронологических пределах примерно до середины XIII в. Слово “Русь” было самоназванием восточнославянской народности и земли, ею занимаемой.

Интерьер Софийского собора в Киеве. XI в.

ских города, в XI веке упомянуто уже 88 городов, в XII веке летописи называют еще 119 новых городов, а в XIII веке, до Батыева нашествия, т. е. за одну только треть века, еще 32 новых города.

Несмотря на постоянно возникавшие с XI века попытки к политическому обособлению отдельных княжеств, несмотря ни на что, Русская земля на всем своем огромном пространстве никогда полностью не утрачивала единства вплоть до Батыева нашествия и установления ордынского ига.

Единство Русской земли крепилось разными путями. Русская земля находилась в политической власти единого княжеского рода. И хотя князья

*Богоматерь Печерская (Свенская)
с предстоящими Антонием и Феодосием
Печерскими. Фрагмент иконы. XII–XIII вв.
Государственный Русский музей*

враждовали, но не сидели только в одном княжеском столе – переходили из княжества в княжество, стремились занять более высокое место, чтобы в конце концов попытаться достигнуть золотого киевского стола. Следовательно, *Русская* земля была для них единой. Единой она была и для *русской* церкви с Киевом во главе. Киево-Печерская обитель была такой же “матерью”

русских монастырей, как и сам Киев – *русских* городов. Монахи Киево-Печерского монастыря становились епископами в Новгороде и Владимире, Галиче и Переславле, основывали монастыри и закладывали церкви.

Другой важной и действенной силой, сохранявшей единство *Русской* земли на всем ее огромном пространстве, был язык и фольклор. Различия в разговорном языке в отдельных областях были сравнительно незначительными. Язык повсюду был, в сущности, единый, и то же следует сказать о фольклоре – особенно об эпосе. Не случайно, что былины о киевских богатырях в XVIII и XIX веках – т. е. спустя более полутысячелетия, сохранились лучше всего на севере России: туда эти былины проникли уже в очень раннее время, там продолжали развиваться, там были памятью о далеких временах единства восточного славянства. И Киев при этом сохранял во всех них название и значение “стольного города” – столицы Руси. В народном, фольклорном сознании Киев был столицей всей Древней Руси – на всем ее пространстве, а не одной только Украины, в этом величие Киева, его огромнейшая культурно-историческая и политическая заслуга.

В образовании древнерусской (восточнославянской) народности языковое единство также имело совершенно исключительное значение. Разные факторы образуют народность, но среди этих разных факторов отдельные играют то большую, то меньшую роль. Для древнерусской народности язык играл первую роль; и не случайно в древнерусском языке одно из значений слова “язык” было именно “народ”. Сравнение с Византией может продемонстрировать мою мысль. Византия была многоязычным государством, и когда под ударами турок Византийское государство пало, оно уже не смогло возродиться. Иначе было с Древней Русью. Батыево нашествие не смогло разрушить народного единства и народного самосознания Древней Руси. Древняя Русь возродилась, но появившиеся языковые различия отметили собой

Христос Вседержитель. Мозаика центрального купола Софийского собора в Киеве. 1043–1046

образование двух наций, а впоследствии – трех (имею в виду Белоруссию). Но при этом сохранившаяся близость языков объединяла все три народа и продолжает объединять их до сих пор.

Еще одной силой, помогавшей культурному сплочению всех княжеств и областей *Русьской* земли, была литература. Даже в большей степени, чем разговорный язык, един был язык литературный. По происхождению своему это был язык староболгарский, постоянно впитывавший в себя элементы русского языка, не сильно от него отличавшегося. Литературный язык никак не различался по областям, ибо литературные произведения, в какой бы части *Русьской* земли ни были они созданы, постоянно перевозились из города в город, из монастыря в монастырь, из княжества в княжество.

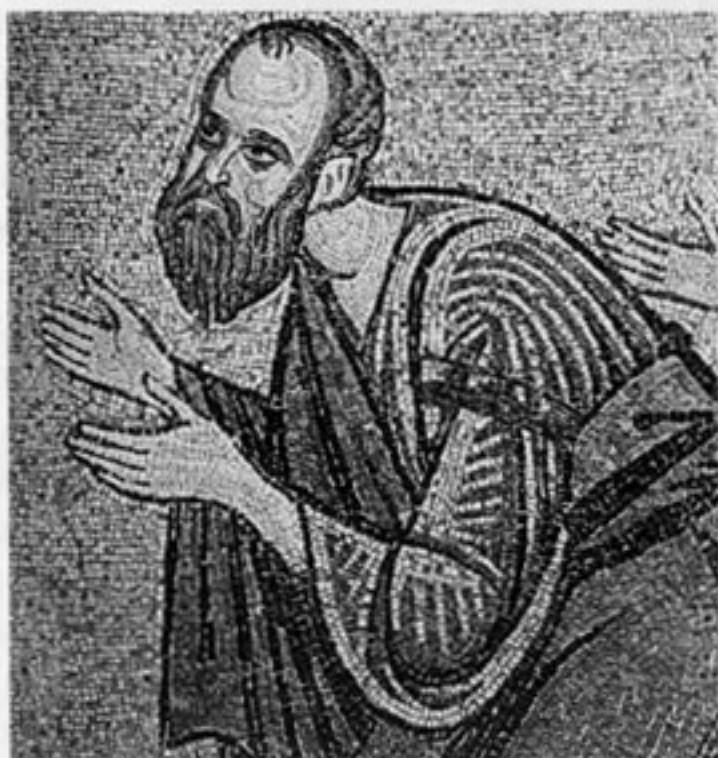
Литература была единой не только потому, что литературные произведения широко распространялись по всему пространству *Русьской* земли, но и потому, что они создавались очень часто не совсем обычным для нового времени путем. Так, например, из переписки двух монахов – одного жившего в Киеве в Киево-Печерском монастыре, а другого – на северо-востоке – во Владимире на реке Клязьме, возник замечательный памятник литературы XII века – «Киево-Печерский патерик».

Обычный путь, который проходили при своем создании летописные своды, – это путь соединения в одном произведении записей, делавшихся в различных городах и монастырях Русьской земли, часто очень отдаленных друг от друга. Так, записи, сделанные в Новгороде на севере, присоединялись к записям, составленным в Киеве. Киевские записи и целые большие исторические произведения включались в летописи во Владимире на Клязьме. Уже в XI веке в киевские летописные своды входили записи о событиях в Тмутаракани на Черном море, несомненно сделанные именно там – с точным указанием дат событий. Мы могли бы привести множество примеров того, каким интенсивным литературным обменом жила Русьская земля и какое огромное значение в Киевской Руси имел обмен посланиями, письмами, летописными сочинениями, произведениями проповеднической литературы между самыми отдаленными географическими точками.

Словно и не было многодневных и многонедельных переездов, трудных путей сообщения, частой и продолжительной непогоды весной и осенью, прекращавшей полностью связи между отдельными княжествами и отрезавшей от Киева города, селения и монастыри. В этом литературном общении центром связей все время оставался Киев. Это была столица древнерусской литературы.

Но самой замечательной особенностью литературы было то сознание национального, политического и культурного единства, которое было свойственно всем произведениям Киевской Руси без исключения. Наиболее знаменитыми памятниками в этом отношении являются “Повесть временных лет”, “Поучение” Владимира Мономаха, “Киево-Печерский патерик” и “Слово о полку Игореве”. Рядом с этими памятниками были десятки других, в которых сознание исторического единства и необходимости политического оборонного единения было чрезвычайно выраженным, как, например, произведение того же XII века, что и “Слово о полку Игореве”, – “Слово о князьях”. Не было ни одного литературного произведения, которое проповедовало бы раздробленность, обособление княжеств. Если один князь выступал

Апостол Павел. Фрагмент мозаики из Михайловского Златоверхого монастыря. 1108–1113. Музей Киевского Софийского собора

*Благовещение. Архангел Гавриил.
Фрагмент мозаики Софийского собора
в Киеве. 1043–1046*

против другого, это оправдывалось борьбой за единство. Борьба за разъединение Руси не могла быть популярной.

И особенно о чем следует сказать, подчеркивая единство самой большой страны в Европе XI–XIII веков, – это единство ее искусства. Искусство было едва ли не самой важной составной частью древнерусской культуры. Киев, как и во всем, был в этой области столицей, центром, законодателем и огромным университетом. Его роль была не столь интенсивной, но все же очень сходной с ролью Константинополя в искусстве Византийской империи. Различие состояло в том, что к XII веку Киев перестал быть самым могучим на Руси военным центром.

Во второй половине XII века военное могущество Киева пало очень низко, однако духовная, культурная власть его над страной оставалась по-прежнему необыкновенно сильной. Не случайно каждый из русских князей, где бы он ни княжил, мечтал

со временем достигнуть золотого киевского стола. Сюда устремляли свои взоры и князья Чернигова, и князья Смоленска, и князья Владимира на Клязьме, и князья Галицко-Волынской земли. Многие приходили сюда и, как это ни парадоксально, подвергали иногда Киев страшному разорению, ревнуя к киевской славе и его духовному владычеству над Русьской землей, стремясь унести какую-то часть этой славы в свой княжеский город, забирая с собой святыни и произведения искусства. В 1200 году особенно сильному разорению подверг Киев Рюрик Ростиславич. Но Киев оставался Киевом до самого его захвата ордами Батыя. Он возникал вновь и вновь из всех разорений и никогда не терял своей славы центра Русьской земли.

Конечно, в искусстве местные особенности сказывались значительно больше, чем в литературе или в других областях культуры. Объяснялось это тем, что строители зависели от местных материалов и от местных мастеров.

*Благовещение. Богоматерь.
Фрагмент мозаики Софийского собора
в Киеве. 1043–1046*

От местных материалов зависели и художники, для которых красками служили не только привозные материалы, но и местные – особенно когда приходилось расписывать огромные стены храмов. Некоторые производства нельзя было организовать на месте. Поэтому мозаики существовали только в Киеве. Их не было ни в новгородских, ни в псковских, ни во владимирских храмах. Но тем не менее артели строителей, художников, различных ремесленников переезжали из княжества в княжество, и этот “кочевой” характер артелей мастеров, как и “кочевой” характер средневековой интеллигенции вообще, крепил единство культуры Киевской Руси.

Наконец, скажем несколько слов о том, что особенно могущественно идейно и эмоционально объединяло русскую культуру XI–XIII веков во всех ее различных областях и отраслях. Вся *русская* культура XI–XIII веков была во власти единого стиля – стиля динамического монументализма. Мы можем называть это явление своеобразной *стилистической формацией*², которой подчинялось все искусство, вся литература, вся политическая, богословская и философская мысль, весь “стиль жизни”. Корни этой мощной стилистической формации были в Византии и Болгарии – двух странах, откуда Киевская Русь получила свою духовную культуру и успешно ее развила, придав ей своеобразные черты.

Главная черта эстетической формации динамического монументализма состояла в тяготении к мышлению широкими масштабами, в попытках разрешения основных проблем бытия, в стремлении к осмыслению исторического существования *Русьского* государства, в стремлении к преодолению

² Термин “*стилистическая формация*” был предложен в свое время загребским ученым проф. Александром Флаккером.

больших пространств, к передвижению больших масс, в ощущении красоты тяжести и красоты преодоления этой тяжести, в значительности и “вечности” образов, в том, что можно назвать “ландшафтным зрением” в литературе и взглядом как бы “из вечности” в живописи, в том, что утверждало храмы как своеобразные маяки, освещающие огромные пространства и осваивающие эти пространства своими массивными формами.

Динамический монументализм сказался и в значительнейшем из “слов” XI века – в “Слове о Законе и Благодати”, в котором делалась глубокая попытка осмыслить историческое существование Руси, и в грандиозном историческом произведении рубежа XI–XII веков – “Повести временных лет”, где русская история была вставлена в оправу всемирной истории и выяснялся вопрос, как и откуда пошла Русская земля. В XII веке динамический монументализм проявляется в “Слове о полку Игореве”, где действие разворачивается на всем пространстве Руси – от Новгорода и до Черного моря, от Галича и Полоцка и до Волги. Тот же динамический монументализм отчетливо виден в сочинениях киевского князя Владимира Мономаха, в проповедях Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, в многочисленных летописях и т. д.

В искусстве динамический монументализм особенно ярко сказался, разумеется, в идейном центре Руси – Киеве. Монументальны образы его храмов, образы городов, основанных киевскими князьями, всегда поставленных на крутом берегу рек над заливными лугами противоположного берега, с вереницей храмов, видных издалека всем подъезжающим по реке. Монументальностью охватывается вся страна, где города строились как своеобразные “подворья” Киева, воспроизводили Киев в своем внешнем облике, в посвящениях своих храмов Успению (по главной святыне Киево-Печерского монастыря, откуда Успенские храмы распространились по многим городам Руси – во Владимире, Ростове, Суздале, Смоленске и т. д.), в названиях ворот (как, например, во Владимире, где так же, как и в Киеве, были выстроены Золотые ворота и Медные).

Важно отметить, что отдельные линии княжеского рода стремились иметь в Киеве “свои” храмы (так, например, Кирилловская церковь XII века на Киевском Подоле была родовой церковью Ольговичей).

Широкое видение, свойственное искусству XI–XIII веков, Киевской Руси в целом, объединяло Древнюю Русь вокруг Киева и делало искусство и литературу важным фактором сохранения единства Руси.

Люди Киевской Руси мыслили широкими масштабами, глобальными проблемами своего существования и существования своей страны, ощущали себя частицами огромной Вселенной.

Они ориентировали свои храмы и жилища по странам света, вставая “до света”, чтобы не пропустить восход солнца (как этого требовал Влади-

*Иоанн Креститель. Фреска
Софийского собора в Кieve. XI в.*

мир Мономах в своем “Поучении”), воспроизводя в своих храмах, в их внутреннем устройстве всю Вселенную, всю мировую историю в ее тогдашнем понимании.

В одном из своих поучений знаменитый киевский проповедник Феодосий Печерский высказывает своеобразный взгляд на произведения искусства. Он утверждает, что они созданы не столько человеком – художником, зодчим, – сколько для человека, во имя человека, во славу человека. Феодосий Печерский говорит: входя в храм и поклонившись трижды до земли, следует со страхом безмолвно стать “при стене”, “гласы немолчны воспеваючи к Всевышнему”, ибо не имеющие себе подпоры стены и столпы храмов “нам суть на честь сотворены”.

“На честь” человеку созданы, конечно, не только стены храмов, но и все изображенное на них и все украшающее их – иконы и паникадила, утварь храма и его роскошные мозаичные полы. Отсюда – высокие представления о человеке, о его достоинстве, несуетном уме, высокой мудрости и щедрой доброте. Эти представления воплощены в образах людей на мозаиках, фресках и иконах – в их лицах, как бы озаренных внутренним светом “горнего ума”, “ликования”, означавшего в Древней Руси не только изображение ликов, но и торжествование, радование, а также хоровое пение. Почему именно “хоровое”? Потому, очевидно, что самым важным в существе ликов была их соборность и “собранность” в единое сообщество, их причастность к единому, составляющему мир целому.

Лицо человека, согласно “Поучению” Владимира Мономаха, – это самое большое чудо во всей Вселенной, ибо в мире нет двух одинаковых лиц: “И этому чуду подивимся, пишет киевский князь Владимир Мономах, – как из земли созданный человек имеет столь разнообразные лица. Если и всех

людей собрать, то не все они на одно лицо, но каждый имеет свое обличье, по Божьей мудрости”.

Удивление перед человеческим лицом – “ликом” – пронизывает собой все искусство Киевской Руси. Человек – это микрокосм, а храм – это своего рода человек. Не случайно поэтому основные части храма названы по подобию человека: окна – это очи человека (корень “окна” – око), купол – глава, поставлена эта глава храма на шее, основание храма – его подошва. А выступы в городских стенах – перси. Защитные от дождя выступы над окнами-очами – бровки. Двери домов и крепостей – их уста.

Тот же ликоподобный и человекоподобный облик имеет и мир. Солнце на миниатюрах изображается с ликом – лицом. Звезды в целом составляют лик – единое целое и целый хор: небо венчает “лик звездный”. Лик и множествен, и един одновременно: это и неповторимый облик человеческого лица, и вся их совокупность – лик монашеский, лик святых, лик поющих в церкви, лик и отдельных изображений, и всей совокупности изображенного на стенах церкви мозаикой и фресками, икон и самих предстоящих перед ними. “Ликом”, своеобразным хором была и вся совокупность *русских* городов с Киевом как их духовной столицей.

Вот почему искусство Киевской Руси одновременно и глубоко лично, и соборно. Каждый художник ощущал себя как бы выполняющим некоторую чужую, высшую волю, и имена художников поэтому в основном затерялись, хотя имена заказчиков храмов, жертвователей, ктиторов и сохрани-

Святительский чин. Фрагмент мозаики Софийского собора в Киеве. 1043–1046

*Святитель Николай.
Фрагмент фрески
Софийского собора в Киеве. XI в.*

лись до нас. Но не чувствуя себя инициатором-творцом, каждый художник стремился, тем не менее, воплотить в своих творениях нечто неповторимое, индивидуальное, показать зрителям первое диво дивной и удивительной Вселенной – разнообразие и красоту человеческих лиц.

Мы сказали – “красоту”, но в чем состояла эта красота? К какому бы сословию Древней Руси или предшествующих веков мировой истории ни принадлежал изображенный, основным идеалом Древней Руси был идеал воинский. Это кажется удивительным, ибо изображения до нас дошли в основном церковные и изображенные на фресках, мозаиках и иконах принадлежат главным образом к членам церкви (монахи или церковные иерархи).

Но с кем сравниваются церковные деятели в сочинениях своего времени? Прежде всего с воинами. Христианские подвижники – это “воины Христовы”, потому в лицах их ярче всего отражено мужество и чувство чести, воинской осторожности и мудрости.

Каждый праведник – это воин, совершающий подвиги. Книги для него все равно что оружие для воина: “Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и праведнику – почитание книжное”³. Вот отчего и праведники на изображениях, если они не воины, имеющие в руках оружие, стоят по большей части с книгами или свитками, как с мечами и щитами, а лица их преисполнены мудрости и мужественного спокойствия.

Объясняя идеал праведника, древнерусский книжник писал: “Любит князь воина, стоящего и борющегося с врагами, иногда получающего раны, иногда же наносящего раны противнику, – больше, чем убегающего и оружие бросающего. Так и Бог сочувствует тому, кто «страдает» (трудится. – Д. Л.)

³ Изборник Святослава 1076 г. М., 1965. С. 154.

Дмитрий Солунский. Мозаика из разрушенного Михайловского Златоверхого монастыря. 1108–1113. Государственная Третьяковская галерея

Святитель Иоанн Златоуст.
Фрагмент мозаики Софийского
собора в Кieve. 1043–1046

за правду, не слабеет и борется с врагами, не заботясь о себе”⁴.

Хотя идеалом святого был в той или иной степени воин, это не значит, что лики изображаемых на иконах, фресках и мозаиках однообразны. “Разнообразие человеческих лиц”, отмеченное Владимиром Мономахом в его “Поучении”, остается самым примечательным феноменом окружающего мира для любого древнерусского художника. И хотя художники стремятся изобразить людей, как бы познавших тайну мира, а потому мудрых, их мудрость необычайно разнообразна. Среди ликов Древней Руси есть лики мудрые страданием, мудрые знанием и книжной мудростью, мудрые мужеством и мудрые силой, мудрые жизненным опытом и мудрые дерзостью юности, мудрые добротой и мудрые просто мудростью. Нет не только двух схожих лиц, но нет и схожих человеческих индивидуальностей. Представления историков, вообразивших себе средние века временем подавления личности, – не более чем миф, развившийся на почве самоуверенности людей нового времени.

В истории культуры каждая стилистическая формация не была просто эстетическим явлением, результатом сформировавшихся новых вкусов, просто эстетических представлений и настроений. Эстетическая формация отвечала *нуждам* общества, народа, нации, историческим потребностям.

Эстетическая формация, которая была характерна для эпохи Киевской земли, в высшей степени точно отвечала нуждам сохранения единства народа, рассеянного по колоссальной территории, она служила целям объединения, умению видеть в малом большое и в большом единое. Эта эстетическая формация динамического монументализма создала идеал людей и человеческой деятельности, который лучше всего соответствовал по-

⁴ *Изборник Святослава 1076 г. М., 1965. С. 581–582.*

*Апостол Симон.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

требностям обширнейшей страны. Это одно из удивительнейших явлений в истории культуры вообще.

Эстетический монументализм создал идеал людей, ценивших и любивших быстрые долгие походы, военные успехи в защите огромной территории, умение переноситься мыслью из одного пункта Русьской земли в другой, мечту о перелетах – как в “Слове о полку Игореве”, людей, ощущавших свое языковое и культурное единство, чув-

ствовавших себя частью европейской культуры, трансплантировавших к себе все лучшее, что было в других странах – Балканских, соседних на Западе и соседних на Востоке⁵. Стилистическая формация динамического монументализма способствовала не только консолидации общенародных сил и самосознания восточного славянства, но и осознанию восточным славянством своей общности со всем человечеством – основ будущего интернационализма восточных славян.

Киевская Русь, ее идеалы и ее стилистическая формация, позволившая осознать всю русскую землю как огромное и единое целое, сыграли выдающуюся роль во всей последующей истории Руси. В XIV веке в период перед Куликовской битвой, послужившей началом освобождения Руси от монголо-татарского ига, существенное значение имело обращение к традициям эпохи независимости, т. е. к традициям Киевской Руси, – в политике, в литературе, в живописи, в зодчестве, в фольклоре, в церковной жизни и т. д.

В литературе это обращение ко временам независимости Киевской Руси заметно во многих произведениях – в московском летописании, в “Задонщине”, в “Сказании о Мамаевом побоище”, в “Слове инок Фомы тверскому князю Борису Александровичу”, в поздних редакциях “Повести о разорении Рязани

⁵ Литература о культурных связях Руси с Востоком и, в частности, с половцами чрезвычайно обширна. Об этом писали Б. Мелиоранский, П. Зайончковский, В. Пархоменко, М. Приселков, а в последние годы В. Гордлевский и А. Робинсон.

*Святой целитель Пантелеймон.
Фреска Софийского собора в Кieve. XI в.*

Батыем”, в “Слове великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому” и т. д. В искусстве обращение ко временам независимости Руси сказалось в реставрациях домонгольских храмов во Владимире, в Твери, в Новгороде, в поновлениях домонгольских фресок во Владимире, отчасти в самом стиле живописи Андрея Рублева, как бы продолжающем стиль живописи XI–XIII веков.

В политике обращение сказалось в притязаниях московских князей на наследие киевских князей, в сохранении московским митрополитом титула “киевского и всея Руси” и пр.

Обращение к Киевской Руси в XIV и XV веках сыграло в Московской Руси действительную роль в культурном и политическом возрождении, а в XVII веке привело в конце концов к объединению трех братских народов – великорусского, украинского и белорусского в единое государство, а в культуре – к объединению культурному, в котором относительно позднее украинско-белорусское искусство, искусство барокко, заняло свое достойное место.

Разрушенная ударами ордынских сабель и хитрой политикой разъединения, Русь и после своего распада на Украину и Великороссию оставалась единой – как остаются едиными вращающиеся вокруг невидимого центра, вокруг друг друга небесные тела.

Культуру Северной Руси все время тянуло к культуре Южной Руси – не только древней, общей, но и новой. С юга в Северную Русь проникает украинское барокко – в зодчестве, поэзии, музыке. Приезжают деятели украинской культуры, занимают ответственные посты в русском государстве и церкви украинцы.

На русский литературный язык оказывает постоянное влияние украинский язык, украинизмы в лексике и в произношении. Обратное влияние хорошо известно – особенно в XIX и XX веках.

Историки культуры и искусства очень часто не учитывают творческого участия, творческого соседства в историко-литературном процессе двух

Киев. Софийский собор

великих культур. Мы не просто шли вместе, — мы шли в ногу, соизмеряя свои шаги, их темп, их направление.

Россия и Украина составляли в течение веков после своего разделения не только политическое, но и культурное двуединство. Русская культура немыслима без украинской, как и украинская без русской.

Художники Д. Левицкий, В. Боровиковский, А. Лосенко, А. Куинджи происходили с Украины, а мыслима ли без них история русской живописи? В Петре Ильиче Чайковском и в Маяковском текла украинская кровь. Может быть, она текла и в Достоевском. С Украины Чехов, Анна Ахматова, К. Паустовский. С Украины композиторы Д. Бортнянский и С. Прокофьев. А какое значение Украина и украинский язык, и фольклор имели для Лермонтова, Некрасова, Лескова (вот кто удивительно почувствовал красоту украинской Сечи, украинского характера, природы, да и самого Киева!). На Украине писал Пушкин, работали И. Айвазовский, И. Вишняков, В. Антропов, Виктор Васнецов и Врубель.

Без Украины невозможна была бы вся русская культура XVII века — без Киева, Киево-Печерской лавры и Киево-Могилянской академии, без украинского барокко, без Ивана Зарудного в зодчестве и прикладном искусстве и украинского школьного барокко в литературе, в театре.

А разве можно писать историю русской поэзии XIX века, не учитывая Шевченко? Возможен ли Гоголь без Украины, без широко и по-доброму

повлиявшего на него украинского юмора, украинского фольклора, украинской сочной и цветистой речи?

Но ведь и Украина невозможна без России! Разве в Киеве не строили русские архитекторы? Разве не одно из лучших украшений Киева Андреевская церковь, построенная воспитанным в русских архитектурных традициях сыном петровского скульптора В. В. Растрелли? Разве не несут в себе русских градостроительных традиций многие города Украины, в первую очередь Киев? Разве может быть украинская поэзия Леси Украинки, Максима Рыльского и др. без Пушкина, без Лермонтова и Некрасова?

Разве не воспитался Шевченко-художник в Петербургской Академии художеств?

Украина – цветущая, поющая, привольная – всегда привлекала к себе сердца русских – россиян. Влекли к себе украинские степи, белые украинские хаты, вышитые украинские рушники, украинский юмор и широта украинского национального характера. И Киев всегда вызывал чувство ностальгии у русских: как “мать городов русьских”, как центр самых больших русских святынь, никогда не противопоставляемых украинским.

В Киеве при всем его национальном своеобразии есть общие градостроительные принципы с другими украинскими и русскими городами, есть отдельные здания, созданные гением тех, кто создавал Москву и Петербург, а в Москве – сколько неучтенного и незамеченного еще киевского, даже в Петербурге был уголок Киева – знаменитая церковь Успения на Сенной площади, построенная в духе украинского барокко.

Невский проспект был увиден и описан глазами украинца Гоголя, а Киев 1918 года – глазами великоросса Михаила Булгакова.

Существует неправильное и очень распространенное мнение о том, что национальные особенности и национальные ценности зреют и крепнут в уединении, отделенные стенами от других культур. Напротив того: в оранжереях растут слабые растения, растения, не выдерживающие вольного наружного климата. Сильные культуры, к которым, несомненно, принадлежат и русская, и украинская, и белорусская, получают свои национальные особенности от общения между собой и с другими культурами, от взаимовлияний и взаимообщения, позволяющих творчески усваивать и перерабатывать на свой лад достижения соседей. Будем ценить наше родство, взаимно поддерживающее нас, – оно ценно, ибо своеобразие каждого из наших народов родилось и развивалось во взаимообщении, а динамический монументализм древнего Киева – стилистическая формация Древней Руси, на которой я особенно подробно остановился здесь, до сих пор сказывается в национальном характере как русских, белорусов, так и украинцев. Сказывается и открытый характер восточнославянских культур, их связи со многими соседними народами.